

Максим СИМБИРЕВ

Максим Симбирев родился в 2000 году в Саратове. Окончил Юридический колледж при СГЮА и СГУ им. Чернышевского (Институт филологии и журналистики). Работал в региональном журнале Нитан и технической поддержке. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Знамя», «Нева», «Нижний Новгород», «Пролиткульт» и др.

КУЗИНАТРА

Рассказ

Все время я смотрел в окно на Кузинатру и хотел узнать: что за ней, за горизонтом? Казалось, если подняться на нее любой ценой, жизнь станет лучше. В конце марта земля высохла, и я побрел в сторону окраины. Пока шел, испортилась погода, и Кузинатра исчезла в тумане. Ничего не видно, никакого нового горизонта. Для чего я шел по размокшему полю, измазал в грязи джинсы, превратил ботинки в литые чугунные утюги?

Каждую пятницу вечером Егор звал выпить. Уже темнело, и я, как обычно, не знал: идти или не идти. Выбор сложный, почти гамлетовский. Хотел провести выходные с пользой, но в середине октября все меньше мотивации. Она, может, вспыхнет под Новый год, но разгорится только в апреле.

Доверился случайности – подбросил монету, – и выпал орел. Ответил Егору: «Поедем».

Цель в баре всегда одна – познакомиться с девушками. Я отжался двадцать раз, съел кусок говядины и тарелку гречки с оливковым маслом – повысил тестостерон. Помылся под холодным душем, облился дешевым дезодорантом с ног до головы – теперь пахну как серьезный мужик в спортинках. Так мне казалось. Джинсы не нужно гладить, бордовый свитер тоже без складок. В двадцать пять я чувствовал себя уже постаревшим, не стеснялся залысин и носил дедовское пальто.

В такси включил «Депеш мод». Современная музыка не нравилась, из новых слушал песни Егора, а он читал мою прозу. Егор развелся с женой, стал рокером и обрел свой голос, но его путали с группой «Сплин»; носил люксовую zipку, широкие джинсы, кроссовки ньюроки – они делали его выше на пять сантиметров.

Мы встретились в центре Саратова, обнялись по-братски. На проспекте Столыпина сияли рестораны, повсюду пахло опавшей листвой и кофе, и мне сразу вспомнилось студенчество, как после занятий я каждый день гулял по центру. Сейчас Саратов стал для меня бесцветным.

Плелись по проспекту, как по чужбине. Свернули в похоронный переулок, где в старых купеческих домах теперь расположились ритуальные услуги. Из открытого люка непримиримо потянуло горячей мазутной сажей.

Шли тихо. После двадцати лет дружбы говорили только по делу либо когда вспоминали прошлое. В остальное время надежно молчали.

Перед баром нагрянули в бильярдный клуб, где я проиграл три партии подряд. То ли кий сломанный, то ли я сломался – он совершенно не скользил по пальцам. По телевизору играли «Динамо» – «Локомотив». Матч тухлый, без ударов. Я подбросил монету и поставил тысячу на «Динамо», сразу стало интересно: во мне заговорил быстрый дофамин. Я зависим от него: делаю ставки, смотрю короткие видео, пью пиво по вечерам. Сам не знаю, как в голове засели слова «дофамин» и «тестостерон», еще недавно я над ними смеялся.

«Динамо» пропустило два гола, и я перестал надеяться на выигрыш, но все равно поглядывал на счет.

Бар недалеко от бильярдной. У входа мы закурили красное «Мальборо». Вкус гадкий: то ли сигареты стали хуже, то ли просто курить не хотелось.

– Музыка пишется? – спросил у Егора.

– Не-а.

– И у меня книга не пишется.

До лета я писал роман про бывшую. Мечтал создать уникальную историю любви, а получалась какая-то дурь. Расстались мы в ноябре. Писал всю зиму и весну, потом закончился. Мой роман остался разбросанными словами в голове.

Встречались мы три года, потом все разбилось. Думал до конца: женюсь, собаку заведем, детей сделаем. Теперь даже не писал и толком не жил. Егор не занимался музыкой с тех пор, как устроился в айти-компанию. «Времени не хватает. Режим. Рубит рано». Я тоже так отговаривался.

В баре взяли по пиву, сели в углу. Я смотрел на изрисованные исписанные стены: «Оглянись, пьяница! Сегодня пятница! Мир наш – матрица!». Я видел такую же надпись на доме городской сумасшедшей. За барной стойкой стояло много пустых бутылок с красивыми этикетками. Выпил я столько за жизнь? Не знаю. Последний год постоянно глушил боль. Люди в барах одиноки и связаны, вместе тонут в болоте разноцветных настоек.

Громко играл «Грин Дэй» – приходилось кричать. Неоновая подсветка напоминала о киберпанке. Я представил: в бар заходит Тринити, берет меня за руку и поясняет за симулякры.

– Отпусти уже. Все, что о ней думаешь, сам придумал, – сказал Егор, когда я в очередной раз упомянул бывшую.

– Да понятно, еще летом отпустил.

Ответил честно. Мои третьи отношения, но первая любовь. Девушка, из-за которой я сходил с ума, ревел, выдирал клочками волосы, не выходил месяцами из дома, загонялся, пил, удалял рассказы, – больше не моя. Я смотрел на ее фотографию сквозь время и не узнавал, будто в другой жизни встречались.

– Скоро зима. Жизнь замрет у всех, а не только у меня.

– И зачем тебе это?

– Так спокойнее. Вместе будем ждать весну. А там, может, и у меня силы появятся.

«Динамо» не отыгралось. Загрузил еще две тысячи на случайный матч по настольному теннису в Колумбии. Спортсмены, на которых ставил, начинали ошибаться, как заговоренные. И без того в духоте стало очень жарко, у меня взмокла спина. Егор удивленно, даже презрительно смотрел, как трясется лудоман, обновляя приложение. Я снова проиграл.

– Не твой день, не ставь.

– Подожду полчаса, новым днем закину.

– Не надо. Ты был на Кузинатре?

– Нет.

– И я тоже.

Первое лето с пятнадцати, когда ни я, ни Егор не дошли до Кузинатры. И не вспоминали о ней... Приелась, что ли? Кузинатра наскучила нам или мы наскучили Кузинатре? Неужели некогда было? Да нет. Что я делал летом? Работал – и больше ничего.

Вышли покурить. В надежде на веселье я предложил дойти до другого бара, но Егор отказался. Это было не в его духе, и я подумал, он хочет с кем-то познакомиться. Возможно, с теми, на кого поглядывал и я. Спросил:

– Тоже на них смотрел?

– Угу. Надо знакомиться.

– Пусть день закончится, тогда и подсядем. А то отошьют сразу.

– А если уйдут?

Пожал плечами.

Вернулись в бар, взяли по пиву. Я пытался поймать взгляд той, что сидела ко мне лицом. Темненькая, с объемными дредами, собранными в пучок. Чокер на шее. Покахонтас, не иначе. Острое аккуратное лицо, густые брови. Одета в голубую джинсовку со значками. Наверное, заметит меня, только если встану прямо перед ней. Пьет вишневый сидр. На каждом пальце по несколько перстней, будто у нее металлическая рука. Фенечки на запястье.

Тут она посмотрела в нашу сторону. Покахонтас что-то рассказывала подруге, глядя на затылок Егора. Подруга тоже хороша, возможно, даже лучше, но сидит спиной, рыжая и кудрявая, в джинсовом платье.

Пьяные за барной стойкой осуждали свой образ жизни, но не хотели трезветь. Ждали, пока все само поменяется. Я рассеяно, сквозь музыку, подслушивал и грустил. Чужие голоса из баров оставались со мной и ночью: когда пытался заснуть, они лезли в голову. Я мечтал выкинуть из нее все лишнее, а лишнее только набивалось.

В полночь еще раз покурили, обсудили план: «Подходим, общаемся, если отшивают, уходим в другой бар». Знакомиться с девушками не стыдно, но тогда казалось по-другому. Дрожали как в шестнадцать. Где уверенность раздавали, мы не стояли в этой очереди.

Я втихую загрузил на «Реал Мадрид». Вернулись в бар и застыли в самом центре. Посмотрел на Егора, он на меня.

– Ну что, идем?

– Да, идем.

Никуда не пошли.

– Стремно как-то.

– Есть момент. Но надо.

Не знаю, где мы взяли смелость, наверное, кровь предков закипела в нас. Мы подошли и хором, будто в школе у доски, безыдейно спросили: «Можно познакомиться?» Как оказалось, можно. Сима и Лера зовут. Сима, рыжая, зачем-то оправдывалась, что ее называли в честь прабабушки Серафимы. У меня в голове пролетели Серафим Саровский, кадры из сериала «Серафима прекрасная» и много-много сим-карт.

Неловко помолчали, девушки рассмеялись, глядя друг на друга.

– Не над нами?

– Да мы о своем, все нормально.

Я сел напротив Симы. Хорошая. Носит брекеты. На маленьком носу с горбинкой пятнышки веснушки. Рыжие кудри удерживает черный ободок, локоны до плеч. Мне захотелось вдохнуть ее волосы. Она напоминала лучницу из игры про эльфов.

Лера сидела расслабленно, широко расставив ноги. Я рассмотрел ее перстни, больше всего заинтересовал глаз в перевернутом треугольнике на среднем пальце.

– Ты из масонов? – спросил я, показывая на перстень.

– Да нет, это Око Сатурна!

– А что значит?

– Не забивай голову.... Оно для красоты, как и все другие.

Сима о чем-то переживала: то руку почешет, то волосы поправит. У нее была подвеска в форме черного перевернутого сердца, как на картах вини. Лера казалась выше Симы где-то на голову, ростом как мы с Егором. Между собой девушки походили мало, но на какой-то дружеской химии понимали друг друга без слов: постоянно переглядывались и смеялись.

Взяли с Егором по нефiltroванному. Из-за громкой музыки все еще приходилось наклоняться и кричать. Сима и Лера продолжали пить вишневый сидр. Егор сдал меня с потрохами, рассказал о моей прозе. Лера удивилась: она сама сочиняла стихи, но больше

пыталась в музыку. Мы попросили показать тексты, не для оценки, а ради интереса. Лера, наклонившись, протянула телефон. Недурно писала для любителя, стихи подозрительно напоминали песни Егора в духе «Сплина».

«...Почему в твоей вселенной нету места для меня, почему я больше суток не могу жить без вина, эта вечная тоска, она мне не даст покоя, если хочешь вдруг вернуться, постучись, и я открою...»

Мы похвалили Леру, но она, не дослушав, резко вырвала у меня телефон и уставилась в экран.

– Ты чего?

– Да чушь я пишу... Вон, «Линкин парк» играет, душу продашь за их тексты! Настоящие. А у меня нет.

Долго спорили. Лера чуть не удалила стих: «не увидела искренности в ваших глазах» – но мы уговорили оставить. Сима жевала орбит без сахара, крутила упаковку в руке, отстраненно смотрела куда-то в сторону барной стойки. Со стороны могло казаться, будто ей скучно, но стоило ее позвать, и Сима загоралась: поворачивала к нам голову и уже всю светила брекетами.

– А мы проводницами работаем! – похвалилась она.

– Романтично, наверное?

– Прикольно за людьми смотреть. Дети едут на соревнования, все разные. Пары едут в отпуск, и тоже все разные. Бабушки едут к внукам, вообще все разные!

– Так подумать... Праздник всегда, – сказал Егор.

– Но без нас. – Сима вздохнула. – Своего тоже хочется.

– Будет еще! – попытался поддержать я.

Егор зашел с козырей и рассказал про работу в айти. У айтишников много денег, и это звучало беспроблемно. Сима и Лера заскучали, они будто из вежливости поставили лайк на неудачное фото, но, когда Егор заговорил про музыку, чуть не подпрыгнули от восторга.

– А дай послушать! – попросила Лера.

Егор протянул наушники. Я побоялся, что из-за громкого рока на фоне ничего не будет слышно. Лера сгорбилась, руками закрыла уши.

– Очень красиво, мне нравится! Хороших музыкантов сейчас мало. А ты пришли мне рассказы, – это уже мне. – Я завтра прочту.

Теперь стало очевидно: мне нужно переключиться на Симу. Она снова смотрела отстраненно, как будто бы грустила. Я аккуратно дотронулся до ее плеча, Сима ожила и заговорила:

– А я вот ничего не умею.

Она даже расстраивалась мило: сморщила лицо, замахнулась ударить кулаком по столу, но перед ударом мягко раскрыла в ладонь.

– Я стихи писала – не получалось, и в школьном театре играла – не пошло. Кино очень люблю, думаю во ВГИК поступить, но все откладываю. Как вот у вас, творческих, все получается?!

– Ты просто себя принижаешь. Да и не все у нас получается.

– Так-то вообще ничего не получается, – подхватил Егор. – Раньше кризис казался фигней. Мы уходили из города, километров на сорок по степям, а обратно на попутке. Домой возвращались, и все мигом проходило. Сейчас времени на это нет.

Девушки задумчиво промолчали. Мне стало неудобно перед Егором.

– Хорошо было!

– Или сразу на Кузинатру шли!

Я устался на Егора, но он не замечал. Зачем он заговорил про Кузинатру?

– А что это? – спросила Лера.

– Там очень хорошо. Видно весь город. Тихо, можно часами сидеть и желания загадывать.

– И что, сбывались? Быстро? – Сима заинтересовалась. – Я тоже хочу.

– Если правильно попросить – сбывались. Миллиард загадаешь... вряд ли он с неба упадет, – уточнил Егор. – Ну, я и по полгода ждал.

Лера на каждую фразу Егора про Кузинатру отвечала «круто», «вау», «интересно», я бы тоже не нашел нужных слов. У Симы покраснели щеки, краснота нежно смотрелась на бледном веснушчатом лице. Глаза пьяно засверкали. Она наклонилась и долго смотрела на свое отражение в кружке.

– Я пойду. Мне туда надо.

Лера понимающе закивала, поджав губы. Она сидела расслабленно и казалась трезвее остальных, пока за пару глотков не осушила половину кружки. Егор заказал ей еще один вишневый сидр. Когда вернулся, я пнул его под столом, но он продолжил говорить про Кузинатру:

– Рядом аэроклуб «Дубки», в нем учился Гагарин. Он первый раз прыгнул с парашютом и попал на Кузинатру. Видите связь, да? Из космоса он почти рядом приземлился.

– Ну... с Гагариным притянута, – сказала Лера. – Похоже на байку из лагеря.

– Согласен. Но сам факт. Там все по-другому ощущается! Мы можем с вами сходить туда завтра.

– Не можем, – возразил я.

За десять лет походов на Кузинатру мы никого туда не брали. Сами ходили по отдельности, в разные месяцы, лишь бы не столкнуться с чужой энергией. Да что происходило в голове Егора: так легко пустить в святилище случайных людей...

– Ой, все! – возмутилась Сима. – Нормально же общались!

– Туда легко не попасть.

– А кто-то запретит нам? Не жмись! Егор уже все рассказал, ну пойдем! – Лера трясла кулаками.

– Еще не все.

– Там убивают? – Сима улыбнулась.

– Нет, конечно. Но странностей немало.

– А вот смотри, – Егор давил на меня. – Если мы сейчас зовем девчонок, и они соглашаются, пойдем?

– Мы можем не дойти, а это чревато.

– Да дойдем, не пропадем, – сказала Лера. – Сима уже от вас все равно не отвалит, пока не дойдем.

– Там очень холодно. И темно уже.

Егор позвал меня на улицу.

– Хорошие, – сказал я, когда мы вышли.

– Да они офигенные! Не будь дедом, старый. Выпей пива. Заедем ко мне, гитару возьмем, плед. Круто же будет. Не было еще такого, романтика.

– Не было. Но ты понимаешь, что будет, если они не дойдут?

– Да дойдут, куда они денутся! Донесем, если уж.

– Поехали на смотровую, на набережную. Да хоть в лес на Кумыску, зачем на Кузинатру?

– Это все скучно, пора ва-банк. Ты не умотался водить девушек на набку? Скучота.

– А в лес?

– Да это любой может. Кузинатру только мы покажем. Сделай одолжение, старый, не будь занудой. Пусть удивятся.

Я достал монету. У Егора засверкали глаза: он знал, что я предложу.

– Если орел – идем. Если решка – не идем.

– Давай.

Я посмотрел по сторонам и подкинул монету. Решка.

– Ну! Так не делается. Давай до трех, чтоб наверняка.

– Нет, мы не идем. Решено. Договорились же.
– Старый. С меня пиво. Ну чего ты хочешь? Два пива?
Я пошел ко входу.

– Стой ты! – остановил меня на лестнице Егор. – Я знаю, ты на «Реал» загрузил... По-любому ты, лудина такая, загрузил на «Реал»! А «Реал-то» выигрывает, братанчик! Подвигаешься еще. Соглашайся быстрее, а то я буду червить. Братанчик, как же я буду червить! «Реал-то» не проиграет! Ну не может «Реал» проиграть, братанчик!!!

– Заткнись. Ладно. Играем до трех.
– Ха-ха-х.

Егор потирал руки, как карикатурный злодей. От его слов я почувствовал свою ущербность. Снова решка. Егор напрягся и вырвал у меня монету.

– Я сам подкину.

Трижды выпал орел. Вот так я доверил свою судьбу случаю. Открыл приложение для ставок, «Реал Мадрид» побеждал три – ноль.

Я не верил, что мы дойдем до Кузинатры. Сима и Лера – суперские. Но так сразу вести их в святое место... Я не мог понять, как на это подписался. Почему они сами согласились пойти? Мы для них два незнакомца. Пусть и не похожи на маньяков, все равно, ехать куда-то за город – очень опасно.

– Кофты им надо взять, они там околеют. И мы тоже.

Егор вернулся в бар победителем. Сима и Лера обнялись от радости. Мы чокнулись и выпили все до дна. Вызвали такси до Егора, он жил на окраине в «Солнечном». До Кузинатры оттуда километров десять.

– А почему вы согласились, вдруг мы нехорошие люди? – спросил я.

– Это мы нехорошие, – пошутила Сима с переднего сиденья.

– Суету навести охота, – равнодушно сказала Лера, положив голову на плечо Егора.

Таксист вез очень быстро по пустому городу. В машине воняло табаком. Группа «Серебро» пела про маму Любу. Мы громко подпевали, таксист воодушевился и еще сильнее надавил на газ. Егор с Лерой взяли за руки, я сидел справа от них и делал вид, будто меня не существует.

– Возьми Симе и Лере кофты, если есть, – попросил Егора, когда приехали. – Если вдруг, туалета по дороге нет, кусты в поле.

– Напугал. А то мы в кустах не сикали, – возмутилась Лера. – Я с родителями всю жизнь на море на машине ездила.

– Не напугал, предупредил.

– А я реально не писала, – призналась Сима.

– Все бывает в первый раз.

«Реал Мадрид» победил пять – ноль, и лудоман во мне почти успокоился. Я отыграл лишь половину проигрыша и все еще хотел вернуть всю сумму. Но главную ставку на сегодня я уже сделал: трижды выпал орел, и теперь мы вели незнакомок на Кузинатру.

Егор вернулся с гитарой и горой одежды. Сима и Лера надели куртки, а мы влезли в толстовки и стали похожи на мусорные мешки.

– Кому надо в магазин, пока еще в городе? Круглосуточный вот. Точно ничего не хотите?

– Точно. Погнали! – воскликнула Лера.

Ночь за городом отрезала нас от мира. Другие далеко, к тому же спят. Дорога предстояла не самая простая: сначала протиснуться мимо стройки, потом поле, собачий питомник, за ним Расково, и над поселком – Кузинатра. Темно еще, холодно, и пьяные все.

Когда прошли мимо стройки, девушки спросили: что из всего впереди Кузинатра? Но мы молчали. Хрупкие стебли ломались под ногами. В поле горьковато пахло сухими травами, по-моему, чабрецом. Или полынью. Не помнил. Когда задувал ветер, он на

мгновение приносил запах дыма. Мы с Егором шли чуть впереди. Потом услышали в поле вой, и девушки быстрым шагом обогнали нас. Лера, ничего не объясняя, завывала в ответ:

– А-у-у-о-у! Суета!

– А мне говорил Максим, там волки водятся, а я не верил! Только ежей видел. А вообще он сказочник! У него у родителей Кузинатру из окна видно, и в детстве он сочинял, типа там инопланетяне живут...

– Всегда любил придумывать.

– Андерсен Ганс Христиан.

– Это пока что. С нами и не такое увидишь, – пошутила Сима. – Мы те еще инопланетяне.

– Говори за себя! – возразила Лера. – А-у-у-о-у!

Зимой, когда мне исполнилось пятнадцать, решил: дойду, не знаю как, но дойду. Все время я смотрел в окно на Кузинатру и хотел узнать: что за ней, за горизонтом? Казалось, если подняться на нее любой ценой, жизнь станет лучше. В конце марта земля высохла, и я побрел в сторону окраины. Когда дома кончились, двинулся наобум. Выбрал долгую и неправильную дорогу в обход, сбивался с пути, шел по полям без тропинки. Возле питомника чуть не стал зайкой: на меня побежали овчарки. Но я им понравился, и они проводили меня до Расково. Добрался лишь по наитию. Пока шел, испортилась погода, и Кузинатра исчезла в тумане. Ничего не видно, никакого нового горизонта. Для чего я шел по размокшему полю, измазал в грязи джинсы, превратил ботинки в литые чугунные утюги? Я сел на влажную землю, закрыл глаза, дышал мглой и впервые почувствовал мир. Просидел часа три и придумал: на Кузинатре можно загадывать желания. Через месяц мне попался томик Бунина. До этого не любил читать, но все изменил Бунин. Я сам начал корябать в тетрадках. Желание загадал абстрактное – найти себя. Я не понимал, кем хочу стать, а тут ответ появился сам. Потом, приходя на Кузинатру снова и снова, я тоже закрывал глаза, ничего не видел, но все чувствовал.

Сигареты кончились, мы забыли их купить, обратно уже нельзя, плохая примета. Порывы ветра лохматили волосы. Сима пыталась собрать кудри, но даже ободок не помогал, только у Леры дреды не разлетались.

Егор подрагивал то ли от озноба, то ли от осознания, что мы идем ночью на Кузинатру с двумя незнакомками, пьяные. Воздух стыл с каждой секундой. Ко мне привязался запах холодной пыли. Куда ж еще холоднее-то. Сядем с гитарой на Кузинатре и околеем прямо там. Впереди виднелось Расково, а над ним – Кузинатра. Поселок накрыло дымкой, сквозь нее светилась пара огоньков.

– Чего не бренчишь? – докопался до Егора.

– По дороге не то.

– А зачем гитару взял?

– Для вайба. Там поиграю.

Что-то зашуршало в посадках, мы замерли, прислушались, нет ли опасности. Шорох прекратился мгновенно. Каркнули вороны. Я почему-то у всех людей, когда выпью, спрашиваю про жизнь после смерти, вот и сейчас спросил.

– Ну ты вовремя, обстановка располагает, – Лера вздрогнула от холода.

– Как он достал этими вопросами, – проворчал Егор.

– Нет, ну а что такого? Это интересно, но как будто бессмысленно. Все равно не узнаем, пока не умрем, – вмешалась Сима.

– Вот сегодня умрем! – Лера высунула язык и показала козу на пальцах.

– Пусть Максим останется, потом рассказ напишет, – Егор хлопнул меня по плечу.

– Реально. А то помрем, и все... – затосковала Сима. – Напишешь?

– Да даже если, я все равно ничего не напишу. Чувствую себя дедом. Написал один сборник за жизнь, случайно получил премию и закончился.

– Ну чего ты! Сейчас умрем и воскреснем, – утешила Лера. – А там уже все напишется!

На дороге из Расково показались силуэты бегущих людей. Сильный ветер подтолкнул нас вперед по тропинке. Вот и все, дошутились, теперь точно ничего не напишу. Мы остановились, Сима и Лера переглянулись с опаской в глазах. К нам, шатаясь, приближались мужики в потрепанных кожанках на голое тело. Одному Богу известно, что эти двое делали в поле ночью.

– Э, артисты, как в Солнечный пройти? – спросил первый, уставившись на гитару.

– Опа, бременские музыканты! – пошутил второй.

– По тропинке прямо до коттеджей, потом мимо них.

Они озлобленно и завистливо смотрели на нас. Искали до чего докопаться. Сима до боли сжимала мою ладонь. В воздухе над нами нависла угроза, все ждали действий друг от друга.

– Чего встали? Идите уже! – приказала мужикам Лера.

Я понял, что нам конец.

Один из них потянулся к Лере, но Егор заслонил ее собой. Мы быстрым шагом двинули в сторону Расково. Удивительно, но мужики не остановили нас и ничего не крикнули вдогонку.

Оглянулся только спустя метров тридцать, силуэты уже растворились в темноте. Лишь тогда я понял, насколько они похожи на нас с Егором лет через двадцать: постаревшие, потрепанные.

– Ну, дорога нелегкая. Говорили.

До конца поля шли в тишине. Я все еще держал Симу за руку, моя ладонь очень быстро согрелась, а у нее оставалась холодной. Когда проходили мимо питомника, я попросил вести себя тихо, чтобы случайно не разбудить собак, хотя все и так молчали. Когда я шел на Кузинатру, во мне просыпался страх от нескончаемого лая, но собаки всегда оставались за забором, кроме того случая с овчарками. Ночью дорога ощущалась иначе.

Непривычная тишина, собаки сладко спали.

Миновали питомник, Егор с Лерой оторвались от нас. Сима спросила, почему я не пишу.

– Мне просто нечего сказать, вот и молчу. Не получается замечать. Все обычное.

– А о чем ты думаешь, когда пишешь?

– Не знаю... Что я самозванец. Читателей у меня раз-два и обчелся. Думаю, чтобы написать рассказ и тем более роман, нужно быть усидчивым, собранным, а я отвлекаюсь на все. Напишу рассказ раз в полгода и замолкаю. Нет идей, все кажется глупостью.

– Может, период такой? Ты сейчас живешь, а потом пишешь.

Сима повернула голову ко мне, глядела вдумчиво, не отводила глаз. Я смотрел на нее искоса, боялся повернуться поймать взгляд.

– Вижу белый лист на экране – и страшно. Хочется закрыть все, даже боюсь нажать на клавиши. Выключаю ноутбук, набираюсь смелости, набиваю на клавише случайные слова. Как только открываю ворд – хочется разбить экран.

– Напиши про наш поход! Я вот искренне не понимаю, как творческий человек то может все, то ничего. Объясни!

– Иногда приходит свежесть мира, потом снова пусто. Снова ждешь, и сколько ждать, никогда не знаешь. Можно и не дожидаться.

Сима закивала, но я не понял: соглашается она со мной или наоборот. Одно ясно – слушала она с большим интересом.

– Я сама перегорела на работе. Нет там крутых историй, а в баре соврала.

– Понимаю и не осуждаю.

– Мы с Лерой спасаемся игрой. Едет пассажир, ни о чем не подозревает, а мы ищем его главную черту. Одно-два слова, и сразу смешно становится, даже интересно. Может, и тебе поиграть? Можно и без людей.

– А как без людей?

– Вот ты идешь, перед тобой трава – какая она?
– Не знаю, но трава меня не слушается. Я ее не чувствую. Смотрю вокруг – ничего не откликается. Красиво, атмосферно, да и все.

– Ну а я откликаюсь?

– Вполне.

– А чем? Подумай, мне самой интересно. Ты ж писатель!

Сима улыбалась, но говорила серьезно. Я тоже улыбнулся.

– Ты вайбовая. У тебя волосы крутые.

– Не-е-ет, не то! Сколько в мире вайбовых с крутыми волосами? А чем я отличаюсь от других?

– Не знаю, не могу понять. Видишь, я скучный. Я интересен людям, когда пишу, а когда не пишу – меня нет.

– Почему ты за других-то думаешь? Не скучный.

– Мне стирают память, когда сажусь писать. И бесит, уже все про все написано. Про шуршащую листву, про голую степь...

– Где-то слышала, нужно писать каждый день, хотя бы понемногу. Я после отпуска вышла и ни одного определения не дала пассажирам – все у меня худые и толстые...

– А о чем писать каждый день?

– Если бы знала... О чем угодно!

Я вспомнил «Траву забвения» Катаева, где Бунин говорил нечто подобное: «Пишите просто обо всем, что видите... Опишите дерево. Море. Скамейку. Найдите для них единственно верное определение. Опишите звук гравия под сандалиями девочки...» Мне стало очень легко от этого воспоминания.

– Ты правильно говоришь, – сказал я Симе.

Через секунду вспомнил, как круто писали Бунин и Катаев, и мне поплохело от собственной слабости. Я смотрел на Симу. Какая она? Где искать слова? Не просто слова, точные слова! Сима-Сима пахнет керосином... Что-то еще Бунин говорил, типа: «Пиши так, как видишь и чувствуешь только ты. Каждое твое чувство – уже повод для рассказа». Читал его рассказы, потом бросался смотреть по сторонам новыми глазами, но ничего не получалось. Я боялся переборов, не понимал, как определить точность фразы...

Мы подошли к спящему Расково. Тихий, осенне-мертвый поселок. Ни фонарей, ни машин. Двухэтажные дома. Поселок засыпало почерневшей листвой, все шуршало под ногами. Я почти протрезвел, и стало совсем уж свежо. Хотел посмотреть на звезды, поднял голову и увидел только густую черноту.

Сима и Лера немного устали, мы устроили передышку. Пока стояли, я засмотрелся на клен возле панельного дома. Один за другим сыпались листья, на голой ветке хохлилась спящая ворона. Вдруг подумал, будто знаю с рождения не только Егора, но и девушек. Эльфийка и Покахонтас, конечно же, мы знакомы с детства.

Перед тем как пойти дальше, Егор сказал:

– Скоро начнет действовать правило, но мы пока не можем о нем говорить.

– Почему ты сообщил об этом возле гаражей? Ты насильник? – иронично спросила Лера.

– Нет. Так получилось.

– Так это мы насильники! – зачем-то крикнула Сима. – Вообще, хочу сказать, есть что-то в ваших походах за город. Здесь реально глушь-деревня, древность!

Поселок быстро остался позади. Еще совсем чуть-чуть. Мы снова вышли в поле, оно упиралось в огромный крутой холм. Над ним висело черное облако, сквозь которое еле заметно проступал лунный свет. Стоило мне оказаться здесь, терялось чувство реальности. До рассвета было еще очень и очень далеко.

Тропинка вся в высокой засохшей траве. Чем ближе к холму, тем чаще мы спотыкались.

– Я так понимаю, это Кузинатра? – спросила у меня шепотом Сима.

Промолчал.

– Почти пришли, – сказал Егор. – Когда поднимемся, ветер сдует прошлое. Будет тяжело идти. Главное – не смотреть назад, пока идем. Договор?

– А что будет, если посмотреть? – спросила Лера.

– Лучше не проверять. Если обернуться – все сожмется и скорчится до неузнаваемости, а внутри будет испуг, и его не пережить. Один наш знакомый проверил, а потом умер через месяц, – Егор, конечно, приукрашивал, но...

– Убедил.

Дорога кончилась, дальше напролом. Теперь оторвались уже мы с Симой. Сима запыхалась, дышала быстро и резко, прижала ладонь к груди, наверное, сдерживала сердце. Пока я трогал ее руку, мне не хотелось думать ни про алкоголь, ни про ставки.

– Еще чуть-чуть.

– Ага, – с одышкой сказала она.

С каждым шагом подъем становился круче. Даже в высокой траве ноги съезжали вниз. Очень легко было покатиться кубарем. Я подсказал, что нужно идти коньковым ходом, как на лыжах.

– Я больше не могу, – простионала на половине подъема Сима.

Она заваливалась вперед.

– Стой! Только не поворачивайся.

Мы замерли. Егор с Лерой быстро нагнали нас. Впереди ждал самый крутой подъем, на котором уже нельзя было останавливаться, иначе точно улетишь. Сима призналась, что у нее тахикардия.

– Нет! Не оборачиваемся! – крикнул Егор.

Он держался за голову.

Приставным шагом я обошел Симу. Приобнял ее со спины, чтобы не упала. Рука у нее сильно потеплела.

– Мы поднимемся, – задыхаясь, сказала Сима.

– Куда мы поднимемся... Ты помрешь там! – закричала Лера. – Надо возвращаться и вызывать скорую. Она уже так погуляла в лесу, чуть не сдохла!

– Не помру. Сейчас. Сейчас...

Мы с Егором молчали. Я тупо надеялся, что Симе резко станет лучше.

Сима села на корточки и спрятала голову. Признаться, я не знал, как дальше. До Кузинатры оставалось мгновение, но самое опасное. Рисковать жизнью Симы никто не хотел, но и поворачивать назад тоже. Все сожмется и скорчится до неузнаваемости, а внутри будет испуг, и его не пережить... Мы ждали.

Со своим азартом я не мог не дойти до Кузинатры. Я готовился оставить всех троих внизу. Дойду сам, символично постою минуту и спущусь. Возможно, Егор думал о том же. Но, если Симе станет хуже, как вызывать скорую, если нельзя оборачиваться? Уж тем более нельзя отступать. Дурацкие, азартные мысли. Подкинуть монету, если орел – иду, решка – стою.

– Я дойду, – сказала Сима и поднялась.

И сразу сползла обратно на землю. Теряла сознание, я не дал ей упасть. Обернусь – и все закончится, рухнет, тупик. Положил Симу на сухую траву. Сима очень быстро дышала, скрестив руки на груди. Закрыла глаза. Рыжие волосы лежали на мертвой траве, они светились и напоминали солнце. Сейчас на это солнце заберутся всякие жуки, или они спят уже мертвым сном? Не помню. Нужно было что-то делать. Я подбросил монету, монета упала на землю, укатилась вниз. Не достать, придется решать самому.

– Ты идиот? – взбесился Егор, когда я обернулся.

Да, обернулся – и мир остался целым.

– А что делать-то? Вызывай скорую к Раскову, сейчас тащить будем.

Егор достал телефон и тоже повернулся назад, но тут Сима резко ожила. Вскочила, будто от громкого будильника.

– Все нормально! Я пошутила.

– Дура! – крикнула Лера.

– Конец, – сказал я Егору.

Он сел на землю, опустил голову. Теперь опасным стало все. Любой шаг мог изменить мир, отчего было страшно до смерти. Я на всякий случай заморгал, мир остался прежним.

– Чего вы! Да я просто хотела разбить ваши предрассудки – фигня они. Ничего с вами не будет.

– Иди во ВГИКе разбивай, – пробурчал Егор.

– Да ладно вам!

– Эх и дура... – продолжала Лера. – Хотя ни фигя она не дура.

– В чужой монастырь со своим уставом не ходят, – сказал я Симе и тоже сел на землю.

Я все еще боялся не дойти. Темнота впереди и больше ничего, но где-то среди темноты наверху – Кузинатра. Запрет оборачиваться можно было назвать нашим предрассудком, но как от него избавиться? Неужели Кузинатра перестанет помогать? Все равно повернулись, и это не изменить. Я оставил Симу и Егора с Лерой. Рванул вперед. Один, жестким шагом, сминал, как машина, траву.

Перед самой вершиной я остановился. Обернулся еще раз, посмотрел с высоты на Солнечный вдаль. Высоток настроили столько, что в темноте он выглядел почти как мегаполис. Одному стоялось не очень. Егор слегка подталкивал Леру, они почти поднялись. Сима тащилась позади. Такая хорошая. Ей все к лицу: и куртка Егора, и джинсовое платье. Бедные ее раненые оцарапанные ноги. Как же, наверное, они горели. Мне стало грустно, что оставил Симу. Осторожно спустился, взял ее за остывшую руку.

Мы дошли вместе.

Ветер на Кузинатре заглушал все несмелые шорохи. Пробежала лиса и ослепила меня, как фонарь в окне летящей ночью электрички.

– Видела? Сестра твоя, – сказал Симе.

– Ага, красавица.

Егор отвел Леру чуть дальше, туда, где загадывали желания. Мы с Симой расстелили плед и сели на него. Сима тряслась от холода. Я думал: взять ее за руку или не портить момент? Когда шли на Кузинатру, был предлог, сейчас нет, нужно искать повод заново. Приобниму. Если не отстранит, не будет сопротивляться, значит, не против. Потом возьму за руку, попробую и поцеловать.

Сима сняла ободок. Она не возражала, когда я отвел ее густые рыжие волосы от лица, но ветер снова растрепал их. Приобнял ее, затем взял за руку. Said какую-то глупость про красивый вид и поцеловал. Пока целовались, Сима гладила меня по спине. Вдруг что-то вспыхнуло под ребрами, обожгло. Какое-то приятное жжение. По телу разошлось такое тепло, что все внутри запульсировало. Сима целовалась непрерывно, и у меня с непривычки устала челюсть. Я так измучился, что отстранился и лег на спину. Потерял лицо Симы в темноте, одни черные пятна вокруг. Сима что-то достала из меня, и стало очень больно. Кружилась голова, но я не выключался. Слышал, как Егор заиграл на гитаре. Красиво.

– Ау-у-о-у-у, – подпевала Лера.

Потом она сама запела ласково, но неразборчиво, ветер унес слова далеко-далеко. Я и не должен был слышать, она пела только для Егора.

Сдавил зубы от боли, мне хотелось что-то сказать, непременно хотелось говорить, но я только дрожал: боялся все испортить. Мокрая, животная боль под ребрами, потекло с меня тепло. Сима замахнулась и рассекла мне чем-то острым грудь, вырвала сердце. У нее была такая доброта в глазах! Я отчего-то не умер. Один за другим Сима вытаскивала мои органы, будто они на соплях держались. Каких-то слизняков вынимала. Все это отлетало в

траву с липким чавканьем. Неужели и мозг достанет? Кричать не мог, она вырвала мой язык, потом и глаза, отрезала уши и нос. Я вспыхнул из расчлененного тела. Она быстро содрала кожу и мясо, остался один скелет. Я долго наблюдал за ним со стороны, вокруг шелестела трава. Посмотрел в темноту и сквозь нее увидел кротовое солнце.

Влетел обратно в тело, сразу после начал обрастать новой плотью. В каком-то полусне называл каждую косточку, каждый орган по-новому.

– Ладно, – сказал Симе, не имея языка.

Сима... Чем же она все-таки откликлась? Сима, Сима... Ты похожа на медь!